

УДК 801-5
ББК 81.02
Т-91

Тутаришева Марзьят Каспотовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания Адыгейского государственного университета;

Тутаришева Мариат Каспотовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник АРИГИ; т.: 8(960)4996582.

АФФИКСАЛЬНЫЙ ПЛЕОНАЗМ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

(на материале разносистемных языков)

(рецензирована)

В статье рассматриваются в сравнительно-типологическом аспекте суть и разные типы языкового плеоназма, излагаются существующие точки зрения на данную проблему. Подробно рассматриваются особенности проявления такого типа языкового плеоназма, как аффиксальный, в разносистемных языках.

Ключевые слова: *плеоназм, редупликация, аффиксоид, аффиксальный плеоназм, контаминация, нейтрализация оппозиций, словоформа, редукция.*

Tutarisheva Marziat Kaspotovna, Candidate of Philology, assistant professor of the Department of Russian language and Teaching Methodology of ASU;

Tutarisheva Mariat Kaspotovna, Candidate of Philology, leading researcher of ARIHR, tel.: 89604996582.

AFFIXAL PLEONASM IN EXPRESSING GRAMMATICAL MEANINGS

(based on multisystem languages)

(reviewed)

The article examines the nature and different types of linguistic pleonasm in comparative typological aspect, existing points of view on this issue have been outlined. The affixal pleonasm in multisystem languages has been considered.

Keywords: *pleonasm, reduplication, affixoid, affixed pleonasm, contamination, neutralization of oppositions, word form, reduction.*

В языкознании до сих пор не определены суть и разновидности такого языкового явления, как плеоназм. В основном он трактуется чрезвычайно широко. При этом четко не разграничиваются, в какой области языка и речи наблюдается плеоназм, что подвергается повторению: структура слова, его формы синтаксические конструкции и др. В качестве плеоназма рассматриваются разнородные языковые явления. Между тем сущность понятия «плеоназм» определяется в лингвистической литературе как избыточность языковых средств, используемых в процессе общения. Плеоназм может проявляться в лексике (лексический плеоназм), при использовании грамматических форм (грамматический плеоназм), в стилистике (стилистический плеоназм) и др. По своей природе плеоназм может быть обязательным, обусловленным языковой системой, и факультативным, обусловленным экспрессивными целями высказывания [1, с. 379].

Среди разновидностей языкового плеоназма выделяются корневые, которые образуются «посредством частичной или полной редупликации корня»... и «чаще всего служат для выражения различных грамматических значений». Как отмечается в специальной литературе, корневой плеоназм в языках может быть использован для выражения различных грамматических значений:

1) расчлененной множественности; 2) собирательной множественности;

3) обобщенности и др. Он наблюдается во многих индоевропейских языках, но более характерен для иберийско-кавказских, финно-угорских, маньчжурских, монгольских, тюркских и др. языков [2, с. 81]: русск. *долго-долго*, груз. *tajal – tajal kas* «высокий-высокий человек» (высоковатый), адыг. *бэрэ-бэрэ* «часто-часто» или «долго-долго»; маньчж. *чжалан* «поколение» – *чжалан-чжалан* «поколения» [3, с. 85] и др.

Как показывают лингвистические исследования и подтверждает фактический материал различных языков, редупликация относится к числу самых продуктивных способов слово- и формообразования, тем самым считается одним из лингвистических универсалий. В данной статье рассматривается такой тип языкового плеоназма, как аффиксальный, который встречается в языках, в том числе адыгейском и русском, при выражении различных грамматических значений.

В зависимости от материальных и семантических сходств, близости и характера составляющих их аффиксов, а также степени проявления грамматической избыточности в лингвистической литературе отмечается три основных типа аффиксального плеоназма.

Суть первого типа заключается в том, что может быть избыточным один из одинаковых суффиксов (формантов) в результате точного его повторения при выражении одного и того же или идентичного грамматического значения.

Второй тип аффиксального плеоназма проявляется тогда, когда одним и тем же аффиксом выражаются совершенно разные или даже противоположные грамматические значения: русск. *книг-и* окончание *-и* указывает на мн.ч. и им.п. существительного *книг-а*; адыг. *КIалэ-м ыIуагъ «Парень сказал» – КIалэ-м аIуагъ «Парни» сказали*. В этих предложениях формант *-м* используется в существительном *кIалэ-м* с противоположными значениями ед. и мн. ч.

Третий тип аффиксального плеоназма заключается в том, что одно и то же грамматическое значение может быть выражено сочетанием двух совершенно разных аффиксов с одинаковой функцией: *КIалэ-хэ-р макIох «Ребята идут» – мн.ч. выражено аффиксом -хэ-. КIалэ-мэ аIуагъ «Ребята сказали» – мн.ч. выражено аффиксом -мэ. Но в предложении *КIалэ-хэ-мэ аIуагъ «Ребята сказали»* одно и то же грамматическое значение – мн.ч. – выражено одновременно двумя разными аффиксами мн.ч.: *-хэ- и -мэ*.*

Разновидностью первого типа аффиксального плеоназма является использование удвоенного аффикса для выражения одного и того же грамматического значения. Такое явление характерно для многих языков. Как отмечает А.М. Щербак, в некоторых тюркских языках для местоимений 1-го и 2-го лица присутствие аффикса множественного числа *-лар* (иногда в удвоенном виде) является обязательным, для местоимения же 3-го лица обязательно используется во всех языках: тув. (диалект) *оларлар* [4, с. 95]. В числительных (собирательных, разделительных) соответствующие форманты также повторяются в каждом из компонентов: башк. *унар – унар «по десяти»*.

Если в русском языке за существительным закрепляется только форма мн.ч., то во французском норма колеблется, допуская для обозначения одного и того же предмета существительное как в ед., так и во мн.ч. [5, с. 58] Тем самым здесь проявляется один из видов аффиксального плеоназма, когда одна и та же форма мн.ч. используется для выражения как ед., так и мн.ч. При этом между этими формами нет никакого семантического различия.

Аффиксальный плеоназм может проявляться и в том виде, как одновременное использование двух генетически разнородных аффиксов для выражения одного и того же или сходного грамматического значения. При этом, как отмечается в литературе, может ощущаться их грамматическая избыточность носителями языка или же эта избыточность утрачивает свой явный характер, когда один из аффиксов является устаревшим и с нечетким грамматическим значением. Поэтому в ряде случаев избыточность формантов в нем выделяется путем этимологического анализа. Данный тип плеоназма наблюдается не только в индоевропейских языках, но и широко известен за пределами этой группы языков. Так, в русском языке грамматическое значение множественности в глаголе повелительного наклонения 1 лица (при обозначении совместного действия) может быть выражено двумя аффиксами – личным окончанием мн.ч. и специальным аффиксом мн.ч. глагола: *ид-ем-те*. Однако в данном языке (по сравнению с языками другой системы) такой аффиксальный плеоназм при выражении мн.ч. встречается редко. Или: суффикс множественности *-n, -ta, -eb* в грузинском (из иберийско-кавказских языков) и его диалектах часто встречается в удвоенном виде. При этом могут встречаться различные комбинации: *-n + -eb, -ta и -eb + -n* и др.). Считается, что такое явление объясняется позиционным ослаблением их функции и в некоторых случаях – даже ее затемнением [6, с. 118].

Параллельное употребление двух разных типов (классных и местоименных) формантов множественности наблюдается и во многих восточнокавказских языках. Например, в рутульском языке наблюдается одновременное употребление формантов множественности *-ш* и *-м* в склонении одушевленных имен, обозначающих неразумные существа: *кьарг-ма-ш-ды* – родительный падеж

слова *бараны* [7, с. 91, 93].

Характерной особенностью некоторых языков (например, румынского) является наличие в нем нескольких суффиксов мн.ч., которые дают возможность дифференцировать значения слов [8, с. 150].

Несомненный интерес представляет использование двух, даже трех генетически разнородных аффиксов для выражения мн.ч. склоняемых частей речи в языках абхазо-адыгской группы.

Так, например, показателями мн.ч. в абазинском языке, где различаются класс человека и класс вещей, являются суффиксы *-чва* и *-ква*: *-чва* используется для выражения мн.ч. существительных класса человека (*ан-чва* «матери»), *-ква* – показатель мн.ч. класса вещей (хотя могут быть использованы и при существительных класса человека: *а-уатра-ква* «огороды», *а-жв-ква* «коровы»).

Имена существительные класса человека могут принимать суффиксы *-чва* и *-ква* в комбинации: *ахъа-чва-ква* «мужчины». Здесь наблюдается аффиксальный плеоназм: использование двух аффиксов мн.ч. для обозначения одного и того же грамматического значения множественного числа [9, с. 48].

Особенностью адыгейского языка является то, что присоединение подряд нескольких аффиксов к одной и той же основе для выражения одного и того же грамматического значения наблюдается только в области словоизменения.

Для выражения мн.ч. всех частей речи в адыгских языках (адыгейском, кабардино-черкесском) используется универсальный формант *-хэ-*: им.п. – *унэ* «дом» – *унэ-хэ-р* «дома», *макло* «идет» – *макло-х* «идут», *клуагъэр* «тот, который пошел» – *клуагъэ-хэ-р* «те, которые пошли», *ар* («он», «она», «оно») – *а-хэ-р* «они»; эрг.п. – *унэ-хэ-м*, *клуагъэ-хэ-м*, *а-хэ-м* и др. Кроме этого аффикса, для выражения мн.ч. в эргативном падеже склоняемых частей речи (к ним относятся существительные, прилагательные, местоимения, отглагольные формы – причастия) используется и формант *-мэ-* (словоформа на *-м* с огласовкой *-э*): *унэ-мэ* «дома», *клуагъэ-мэ* «те, которые пошли». Все эти слова стоят в эргативном падеже. Однако в этом же падеже адыгейского языка наблюдается одновременное использование обоих формантов *-хэ-* и *-мэ* (в форме *-хэ-мэ*) для выражения множественного числа склоняемых частей речи: *унэ-хэ-мэ* «дома», *клуагъэ-хэ-мэ* «те, которые пошли», *а-хэ-мэ* «они».

В специальной литературе отмечена возможность выражения в адыгских языках ограниченного множественного числа аффиксоидом *-бэ-* «много». Данный аффиксоид по своей семантике обозначает множество и может функционировать самостоятельно или в роли определителя мн. числа имен. Несмотря на функциональные различия, в ряде случаев *-бэ* тоже может выступать в качестве грамматического синонима *-хэ* [10, с. 111-112]. Для адыгейского языка характерно одновременное употребление не только двух, но и всех трех показателей множественного числа. При этом аффиксоид *-бэ* может употребляться в сочетании с другими формантами не только в эргативном (как другие форманты), но и во всех падежах: им.п. *пигъэшъа-бэ-хэ-р*, эрг.п. *пигъэшъа-бэ-хэ-мэ* «многие девушки». Тем самым создается аффиксальный плеоназм при выражении множественного числа определенных частей речи в адыгских языках.

Такое же явление наблюдается и в местоимениях: мн.ч. местоимений 1-го и 2-го лица выражается в адыгских языках супплетивным способом – изменением корневой основы: ед.ч. *сэ* «я» – мн.ч. *тэ* «мы», ед.ч. *о* «ты» – мн.ч. *шьо* «вы». Однако в разговорной речи и речи многих персонажей художественных произведений наблюдается использование аффикса мн.ч. *-хэ-* (рядом с супплетивным способом выражения множественного числа). При этом местоимение имеет усилительную частицу *-и*: *тэ-р-хэ-ми* «и мы», *шьор-хэ-м-и* «и вы».

В адыгейском языке для выражения эргативного падежа мн.ч. местоимений 3-го лица *аиц* («он», «она», «оно») – в адыгейском языке местоимения не различаются по родам, так как в этих языках нет категории рода), указательных местоимений *мыр* «этот», *мор* «тот» используется формант *-хэ-* (*а-хэ-м* «они», *мы-хэ-м* «эти») или оба аффикса (*а-хэ-мэ* «они», *мы-хэ-мэ* «эти», *мо-хэ-мэ* «те»).

Аффиксоид *-бэ* в местоимениях не используется. Таким образом, в указанных местоимениях также наблюдается языковая избыточность при выражении мн.ч. На определенной ступени развития адыгских языков формант *-мэ* использовался для выражения ед. и мн. числа. О возможности сосуществования двух функций у форманта *-мэ* свидетельствует

материал более ранних текстов песен и сказаний. И вследствие совмещения двух функций у форманта *-мэ* наблюдалась нейтрализация оппозиций по числу в эргативном падеже. Здесь выступает плеоназм второго типа, когда один и тот же аффикс используется для выражения разных, в данном случае даже противоположных значений (ед. и мн. ч.). Однако на определенном этапе развития адыгских языков редукция гласного *э* в форманте *-мэ* привела к тому, что за формантом *-м* закрепилась функция падежного окончания эргатива ед.ч., а формант *-мэ* стал использоваться для выражения мн.ч. Функции *-мэ* и *-м* как бы дифференцировались.

Между тем фонетический процесс утраты *-э* в показателе мн.ч. *-мэ* продолжается в адыгейском языке и наблюдается использование усеченной формы *-мэ* (т.е. *-м*) в значении мн.ч. Получается, что словоформа на *-м* в современном адыгейском языке выполняет те же две функции, какие выполняла когда-то словоформа на *-мэ*. В результате этого опять происходит нейтрализация оппозиций по числу в эргативном падеже: наблюдается употребление словоформы на *-м* в значении обоих чисел. Основной функцией *-м* остается выражение значения ед.ч., а для выражения мн.ч. он выступает как вариант форманта *-мэ*. В значении множественности *-мэ* и *-м* стали взаимозаменяемыми [11, с. 32 - 33]. Опять же наблюдается плеоназм второго типа, когда один и тот же аффикс используется для выражения противоположных значений: ед. и мн. числа.: *КIалэ - м ыIуагъ / аIуагъ* «Парень сказал /сказали».

Редукция гласного *э* в морфологическом элементе *-мэ* в адыгских языках – результат довольно поздних фонетических преобразований. Этот процесс считается завершенным в кабардино-черкесском языке. Он встречается только в некоторых его диалектах [11, с. 8].

Одним из способов преодоления грамматического плеоназма может быть контаминация живого и устарелого аффиксов, т.е. на основе полного стирания первоначального грамматического значения устарелого аффикса, в результате переразложения основы и каких-то фонетических, морфологических процессов. Примером может служить адыгейский язык, в котором при стечении двух показателей мн.ч. *-хэ* и *-мэ* аффиксальный плеоназм может быть преодолен в результате такого фонетического процесса, как усечение гласного *-э* во втором форманте мн.ч. *-мэ*: *кIалэ-хэ-мэ* – «ребята» - *кIалэ-хэ-м* «ребята».

При употреблении в разговорной речи адыгейского языка заимствованных слов (особенно собственных имен *pluralia tantum*) наблюдаются единичные случаи, когда используются разноязычные аффиксы, выражающие одно и то же или сходное грамматическое значение, тем самым создают аффиксальный плеоназм. Например, показатель мн.ч. русского языка в слове может не отбрасываться, но может присоединяться к нему и аффикс мн.ч. адыгейского языка с тем же значением: *Северо-Восточные сады-хэ-м сыщыIагъ* «Я был в Северо-Восточных садах».

Аффиксальный плеоназм, который встречается в адыгейском языке при выражении множественного числа, способствует наиболее явной грамматической избыточности, который возникает в результате сочетания живых и регулярно функционирующих формантов мн.ч.

Анализ фактического материала разговорной речи, языка публицистики и художественных произведений адыгейского языка показывает, что за последние годы наблюдается более четкое разграничение функций формантов мн. и ед. числа: в ед.ч. используется *-м*, а во мн.ч. *-хэ-м* или *-мэ*, т.е. аффиксальный плеоназм стал встречаться реже. Видимо, здесь действует закон экономии языковых средств.

Литература:

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1999.
2. Благова Г.Ф. Тюркский аффиксальный плеоназм в сравнительно-историческом и ареально-лингвистическом освещении // Вопросы языкознания. 1968. №6.
3. Меновщиков Г.А. Способы выражения единичности и множественности в языках различного типа // Там же. 1970. №1.
4. Щербак А.М. Формы числа в тюркских языках // Там же. №3.
5. Басманова А.Г., Турчина Б.И. Именные части речи во французском языке. Трудности французской грамматики. М.: Просвещение, 1991.
6. Глонти А.А. К вопросу о трех суффиксах множественности в грузинском языке // Вопросы языкознания. 1980. №3.
7. Ибрагимов Г.Х. О многоформантности множественного числа имен существительных в восточнокавказских языках // Там же. 1974. №3.

8. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Проблема структурной общности. М.: Наука, 1972.
9. Табулова Н.Т. Грамматика абазинского языка. Черкесск, 1976.
10. Керашева З.И. К вопросу о категории числа и категории определенности в адыгейском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. II. Тбилиси, 1982.
11. Тутаришева М. К. Категория числа именных частей речи в адыгских языках. Майкоп, 2005.
12. Кумахов М.А. Очерки общего и кавказского языкознания. Нальчик, 1984.

References:

1. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. M., 1999.
2. *Blagova G.F. Turkic affixal pleonasm in comparative historical and areal -linguistic coverage // Problems of Linguistics. 1968. №6.*
3. *Menovshchikov G.A. Ways of expressing singleness and plurality in language of different types // Problems of Linguistics. 1970. № 1.*
4. *Shcherbak A.M. Forms of number in the Turkic languages // Problems of Linguistics. 1970. №3.*
5. *Basmanova A.G., Turchina B.I. Nominal parts of speech in French. Difficulties of French grammar. M.: Prosveshchenie, 1991.*
6. *Glonti A.A. On the three plural suffixes in Georgian // Problems of Linguistics. 1980. №3.*
7. *Ibraghimov G.H. About multiformat of plural nouns in the eastern Caucasian languages // Problems of Linguistics. 1974. №3.*
8. *Comparative grammar of Romance languages. Problem of structural generality. M.: Nauka, 1972.*
9. *Tabulova N.T. Grammar of the Abaza language. Cherkessk, 1976.*
10. *Kerasheva Z.I. On the category of number and category of certainty in the Adygh language // Yearbook of the Ibero -Caucasian linguistics. V.II. Tbilisi, 1982.*
11. *Tutarisheva M.K. Category of number of nominal parts of speech in the Adygh languages. Maikop, 2005.*
12. *Kumakhov M.A. Essays on general and Caucasian linguistics. Nalchik, 1984.*